

Влияние социальной идентичности мусульман на совершение коллективных действий

К.А. Оськин^{1а}

¹ Московский государственный психолого-педагогический университет, г. Москва, Российская федерация

^а ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0550-9079>, e-mail: jbgillet2@gmail.com

Резюме: В работе изучается влияние социальной идентичности практикующих российских мусульман, в частности ее религиозного аспекта, на вовлеченность в совершение коллективных действий в рамках модели коллективных действий EMSICA Э. Томас. Исследование проводилось с помощью ряда методик: методики Д. ван Камп «Измерение индивидуальных/социальных компонентов религиозной идентичности» (адаптация русскоязычной исламской версии – О.С. Павловой); авторских методик, таких как измерение вовлеченности в религиозную практику, измерение чувства группового гнева, измерение восприятия несправедливости к группе, измерение вовлеченности в коллективные действия, измерение воспринимаемой эффективности от коллективных действий. Расчет проводился с помощью коэффициента корреляции Спирмена, а также линейного регрессионного анализа. Выборка исследования состояла из 120 человек, учащихся мусульманских религиозно-образовательных учреждений.

Ключевые слова: религиозная идентичность; социальная идентичность мусульман; исламский мир; этнопсихология; культурная антропология; межгрупповые отношения

Для цитирования: Оськин К.А. Влияние социальной идентичности мусульман на совершение коллективных действий. *Minbar. Islamic Studies*. 2022;15(2):443–474. DOI: 10.31162/2618-9569-2022-15-2-443-474

Контент доступен под лицензией Creative Commons

Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

The influence of the social identity of Muslims on collective actions

K.A. Oskin^{1a}

¹ Moscow State Psychological and Pedagogical University, Moscow, the Russian Federation

^a ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0550-9079>, e-mail: jbgillet2@gmail.com

Abstract: This work studies the relationship between the social identity of practicing Russian Muslims, in particular its religious aspect, and its involvement in collective actions within the EMSICA model of collective actions by E. Tomas. The study is based on a number of methods: D. Van Camp "Religious identity individual and social components measurement" (adaptation by O.S. Pavlova to Russian Islamic version) method; auteur methods of measuring involvement in religious practice; auteur methods of measuring feelings of group anger; auteur methods of measuring the perception of injustice to the group; auteur methods of measuring involvement in collective actions; auteur methods of measuring the perceived effectiveness of collective actions. The calculation was performed on the basis of Spearman Correlation Coefficient, as well as linear regression analysis. The study sample consisted of 120 people, students of Muslim religious educational institutions.

Keywords: religious identity; social identity of Muslims; Islamic World; Ethno-Psychology; Cultural Anthropology; intergroup relations

For citation: Oskin K.A. The influence of the social identity of Muslims on collective actions. *Minbar. Islamic Studies*. 2022;15(2):443–474. (In Russ.) DOI: 10.31162/2618-9569-2022-15-2-443-474

Введение

Наряду с возрождением религиозной идентичности (отмеченной такими учеными, как С. Хантингтон, К. Ясперс и др.) в современном обществе происходит процесс ее политической актуализации через различные «коллективные действия» членами различных больших социальных групп. Изучение этого процесса является одним из перспективных направлений в социальной психологии, которое в современной науке восходит к работам Густава Лебона [1, с. 135]. Два его фундаментальных труда «Психология народов» и «Психология масс» до сих пор актуальны в социальной психологии и культурной антропологии (или этнопсихологии), хотя некоторые сведения в этих работах достаточно противоречивы, они обладают несомненной ценностью в развитии научного дискурса и оригинальностью постановки исследовательского вопроса. Вслед за Лебоном появились и другие уче-

ные, которые пытались исследовать этот вопрос. Они дали начало области исследований, которая сейчас называется «психологией толп», «психологией массового поведения» или «психологией стихийного поведения», при этом рассматривалось такое поведения зачастую как аффективное, а не рациональное. Однако уже в 60-х гг. исследователи, прежде всего психологи и социологи, переключились на изучение так называемого «коллективного поведения», а это уже совсем другой тип активности. Коллективное поведение, как его понимают сейчас, складывается из поступков, которые люди совершают от лица группы, чтобы достичь общей цели – устранить несправедливость, существующую в обществе, или получить некие коллективные выгоды. Оно может вестись автономно каждым участником, который воспринимает себя частью социальной группы, а может вестись коллективно, но всегда в интересах этой группы. Таким образом, коллективное поведение гораздо более рационально, чем массовое, которое описывал Г. Лебон. Если говорить более точно, то не все коллективное поведение массовое и не все массовое поведение коллективное. Среди современных исследователей коллективного поведения можно выделить Мартина ван Зомерена [2], который выделяет три фактора, необходимых для коллективной активности: гнев в отношении источника несправедливости; коллективная эффективность – вера в то, что коллективная активность позволит устранить несправедливость; социальная идентичность – осознание своей принадлежности к притесняемой социальной группе. Эти факторы были объединены в модель SIMCA (Social Identity Model of Collective Action), основанную на теории социальной идентичности (SIT) [2]. Другая модель EMSICA (Encapsulated model of social identity in collective action) Эммы Томас [3] предполагает, что воспринимаемая групповая эффективность и воспринимаемая несправедливость обеспечивают основу, на которой актуализируется социальная идентичность, подчеркивая альтернативный причинный путь в осуществлении коллективных действий. Также стоит упомянуть и более ранние модели, например теорию «индивидуальных экономистов» М. Олсена [4], основное обоснование которой состояло в том, что для отдельного рационально мыслящего субъекта участие в коллективных действиях представляет собой социальную дилемму, поскольку оно обычно требует индивидуальных усилий для достижения коллективных вознаграждений, и эти вознаграждения должны быть сильнее желания субъекта оставаться неактивным или претерпевать риски, связанные с активностью; раннюю модель «Страстных участников группы» У. Рансимена [5], которая вводит такое понятие, как «относительная депривация»

и связанные с ней эмоции, такие как гнев, которые могут быть предикторами коллективных действий.

В данной работе используется модель EMSICA Эммы Томас и ее коллег, на основе которой предпринимается попытка определить взаимосвязь между социальной идентичностью российских мусульман, в частности ее религиозным аспектом, и воспринимаемой групповой эффективностью, чувством группового гнева, основанного на восприятии несправедливости, а также коллективными действиями. Гипотеза исследования заключается в том, что групповой гнев, основанный на восприятии несправедливости по отношению к группе, и воспринимаемая групповая эффективность являются факторами, усиливающими социальную идентичность, которая в свою очередь выступает предиктором коллективных действий. Дополнительная гипотеза предполагает, что вовлеченность в религиозную практику является активным проявлением социальной идентичности мусульман и оказывает влияние на совершение коллективных действий. Также исследуется связь компонентов религиозной идентичности и коллективных действий.

Методология исследования

Теория коллективного действия Мансура Олсона [4] представляет собой первую крупную рационалистическую теорию подобного рода. Основное ее обоснование состоит в том, что для отдельного рационального субъекта участие в коллективных действиях представляет собой социальную дилемму, поскольку это участие обычно требует индивидуальных усилий для достижения коллективных вознаграждений. Таким образом, для достижения максимальной субъективной полезности индивид должен быть мотивирован оставаться неактивным в надежде, что другие будут действовать вместо него. Таким образом, люди получают свою долю коллективных выгод от коллективных действий без каких-либо индивидуальных затрат. Фундаментальным препятствием для коллективных действий таких «интуитивных экономистов» является искушение «безбилетного проезда» (т.е. получение коллективных выгод без проявления индивидуальной активности), таким образом, мобилизация индивидов для коллективных действий – это вопрос снижения мотивации к «безбилетному проезду». Косвенным образом эта теория подводит нас к понятию воспринимаемой эффективности группы как способности группы справляться с поставленными задачами и получать определенные выгоды. Однако такая «экономическая» по сути

и сугубо рациональная теория плохо объясняла проявление индивидами активности без соответствующего положительного баланса выгод/риска, а также того субъективного потенциала для активности индивидов, который возникал без какого-либо положительного подкрепления. Эти факторы позднее более подробно были исследованы в теории социальной идентичности (social identity theory).

Теория социальной идентичности [6] и выходящая из нее теория самокатегоризации (selfcategorization) указывают, как люди субъективно воспринимают окружающий мир с точки зрения группы и действуют в интересах своей группы, когда их групповая идентичность оказывается актуализированной [7]. В первых экспериментах одного из создателей этой теории, Г. Тэшфела [7], было показано, как принадлежащие к случайно выбранным группам испытуемые тем не менее старательно демонстрировали принадлежность к этим группам и усугубляли разрыв с другими такими же случайными группами в попытке выделить и усилить «позитивную социальную идентичность» (позитивное восприятие себя как члена группы). При этом, зачастую, группы были подобраны по эфемерным признакам, таким как длина шнурков или цвет галстука. Более поздние исследования в этой области также показали, как принадлежность к устойчивым социальным группам влияет на индивидов, в том числе как негативное или дискриминирующее отношение к группе нередко способствует тому, что индивид предпринимает действия для улучшения репутации своей группы и поддержания позитивной социальной идентичности.

Перспектива теории социальной идентичности предполагает, что идентификация индивидов со своей коллективно обездоленной группой позволяет им испытать коллективное ущемление, разделенное с другими членами группы. Именно по этой причине предполагается, что степень выраженности групповой идентичности является важным объяснением коллективных действий. Таким образом, групповая идентичность – это одно из возможных объяснений коллективного действия, которое теоретически отличается от других объяснений, таких как воспринимаемая несправедливость, групповой гнев и убеждения в групповой эффективности.

Модель коллективной активности SIMCA, основанная на социальной идентичности, была сформулирована Мартином ван Зомереном [2]. Согласно этой модели, коллективное поведение порождает три основных фактора: социальная идентичность, связанная с принадлежностью к определенной группе; переживание несправедливости положения этой группы

(вызывающее групповой гнев); коллективная эффективность – вера в то, что коллективные действия позволят изменить положение группы и достичь поставленных целей (рис. 1). Основным фактором является социальная идентичность: она одновременно усиливает групповой гнев и восприятие коллективной эффективности, которые, в свою очередь, усиливают коллективную активность.

Рис. 1. Модель SIMCA ван Зомерена и др.

Fig. 1. SIMCA model by Van Someren and others

Инкапсулированная модель коллективной активности, основанная на социальной идентичности (EMSICA), была создана Эммой Томас и ее соавторами. Подобно ван Зомерену, Томас и соавторы предполагали, что коллективное поведение порождает три фактора: коллективную эффективность, групповой гнев и групповую идентификацию. Однако, по их мнению, идентификация не предсказывает, а опосредует связь между групповым гневом, коллективной эффективностью и коллективной активностью: гнев и оценка эффективности группы оказывают влияние на идентификацию с группой, а она – на поведение людей (рис. 2).

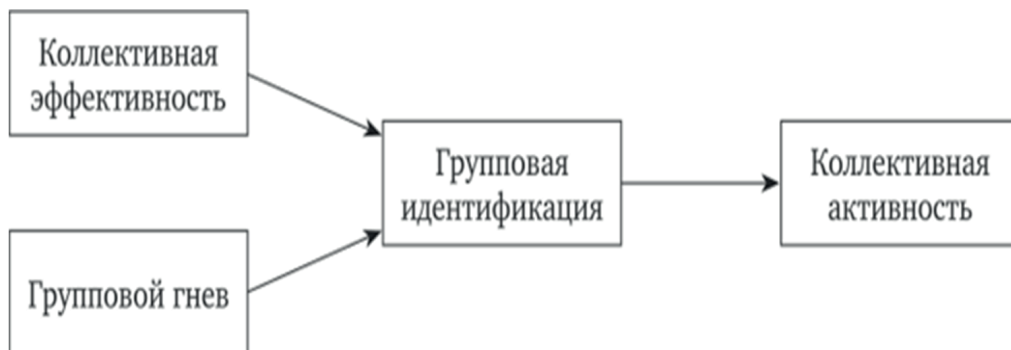

Рис. 2. Модель EMSICA Эммы Томас и др.

Fig. 2. EMSICA Model by Emma Thomas and others

Модель EMSICA развивалась в контексте этой отрасли исследований [8]. Эта объяснительная модель, разработанная как вариация модели SIMCA, предполагает, что восприятие несправедливости и убеждения в коллективной эффективности инкапсулируются в рамках социальной идентификации и коллективных действий (рис. 2). В соответствии с логикой теории EMSICA, восприятие социальной несправедливости (морального возмущения и связанного с этим гнева) в сочетании с одновременной верой в коллективные усилия с единомышленниками может способствовать возникновению или актуализации социальной идентификации, за этим следует намерение действовать коллективно для восстановления социальной справедливости. Эта теоретическая концепция вытекает из соображений ван Зомерена и его соавторов [9], которые утверждают, что причинно-следственный эффект в рамках модели SIMCA может быть обращен вспять, так что моральное возмущение с сопутствующим гневом и групповая эффективность могут повысить уровень идентификации. Таким образом, «люди с большей вероятностью предпримут действия для устранения причин несправедливости, когда они испытывают эмоцию, связанную с действием, такую как гнев, и/или считают, что принятие мер может изменить ситуацию» [2, р. 513].

Изучение коллективных действий через предполагаемое восприятие несправедливости первоначально руководствовалось теорией относительной депривации (RDT) [10] Уолтера Рансимена. RDT фокусируется на субъективном состоянии несправедливого ущемления группы, предполагая, что участие в братских (групповых) социальных сравнениях с другими (представителями иных групп) может привести к чувству относительной депривации, которое в дальнейшем способствует коллективным действиям от лица группы. Относительная депривация – это воспринимаемое ощущение обделенности теми благами или статусом, к которым группа была привычна, либо негативная разница во владении этими благами (или статусом) по сравнению с остальным обществом.

Мы считаем, что концептуализация коллективного действия в рамках нашего исследования как формы подхода к преодолению коллективного неблагополучия (или относительной депривации) позволяет создать теоретическую модель, которая позволит интегрировать основные объяснения коллективного действия, рассматривая индивидов как «страстных экономистов», т.е. руководствующихся в совершении коллективных действий как концепцией затрат/выгод в повышении своего статуса, так и такими эмоциями, как гнев в отношении ситуации относительной депривации; и все это в момент осознания себя членом группы. Это объяснение согласуется с моде-

лью EMSICA, приведенной ранее. При этом, исходя из объекта нашего исследования, можно представить современное неисламское секулярное общество как ситуацию, по умолчанию имеющую признаки относительной депривации для мусульман, что мы попытаемся объяснить далее. Вовлеченность в религиозную практику при этом предположительно выступает как активное проявление религиозного аспекта социальной идентичности мусульман и также имеет связь с коллективными действиями, что служит дополнительным элементом базовой модели EMSICA, используемой в данном исследовании.

Социальная идентичность мусульман

В теоретическом анализе, проведенном в нашем предыдущем исследовании [11], было показано, что природа социальной идентичности мусульман не может ограничиваться только религиозными рамками. «Исламская идентичность» уже содержит в себе политическую составляющую, которая по своей природе, подобно и религиозной составляющей, является универсалистской и может существовать как вместе, так отдельно от культурно специфических элементов, таких как география проживания, традиции, этнос. Иными словами, «исламская идентичность» может существовать и развиваться вне территории мусульманских стран. Как пишет Оливье Руа в работе «Глобализованный ислам» [12], текущее состояние «исламской идентичности» можно и нужно рассматривать через процессы глобализации и детерриториализации, которые затрагивают почти всё население Земли. Глобализация оказывает двоякий эффект на традиционные культуры: с одной стороны, она размывает «традиционные ценности», присущие этим культурам, с другой – создает ответную реакцию «культурного возрождения», которое является попыткой отстоять идентичность в условиях изменяющегося мира. Современные исследователи заметили, что совместно с процессами глобализации, а может и ранее, происходил процесс детерриториализации значительной части мусульманского населения через миграцию или принятие Ислама частью автохтонного населения немусульманских стран. Поэтому многие современные исследования в этой области также строятся вокруг концепции детерриториализация и миграции. В результате глобализации религия больше не встроена в культурные и социальные отношения, она переживает кризис социального авторитета. Религию приходится придумывать заново, и не только мусульманам (как, например, согласуется запрет на проценты и покупка дома в ипотеку?), но и немусульманам, которые постоянно и в различных ситуациях вынуждают мусульман высказывать свое мнение по разным религиозным вопросам [12]. Проживая в

немусульманской стране, сложно оставаться безмолвным мусульманином-конформистом, каждое действие приходится продумывать как осознанный выбор.

Одновременно глобализация – это удачная возможность для некоторых мусульман переосмыслить ислам, очистив его от культурных и национальных особенностей, и реконструировать общину на чисто религиозной основе. Отдельные мусульмане даже признают позитивную роль детерриториализации и глобализации как явления, так как они дают возможность отрыва мусульман от «псевдо-мусульманской» культуры и заставляют заново конструировать свою идентичность в сугубо религиозных терминах, тем самым способствуя возвращению к «изначальным» принципам религии. Можно сказать, что нет места лицемерию, когда социальное давление в нерелигиозном обществе работает против показного соблюдения религиозных норм [12]. Современный мусульманский деятель Муктедар Хан пишет: «Несомненно, когда столь многие мусульманские этносы получили возможность собраться вместе (через миграцию), не разделенные глупыми националистическими программами, спустя много лет возродилась по-настоящему глобальная умма. И теперь, если эта истинно глобальная умма сможет артикулировать свой взгляд на ислам, свободный от культурных артефактов, мы сможем увидеть подлинный поворот к исламской идентичности» [13, p. 151].

Таким образом «исламская идентичность», сталкиваясь с процессами глобализации и детерриториализации, как пишет Оливие Руа [12], также проходит через процесс декультурации или «очищения» от локальных культур народов, исповедующих ислам, и замену территориальных границ на этические. Исходя из этого, зачастую принято рассматривать «исламский мир» как некую культурную матрицу, границы которой экстерриториальны, обусловлены внутренними связями и «проходят в головах» людей как носителей определенных установок и ценностей. «Исламская идентичность» при этом может рассматриваться как продукт «Исламского мира» со всеми присущими подобной логике следствиями. Эти выводы подтверждает работа Майкеля Веркутена [14] «Religious Group Identification and Inter-Religious Relations» (Групповая религиозная идентификация и межрелигиозные взаимоотношения), на которую мы опирались в нашем прошлом исследовании в рамках теории социальной идентичности, внутригрупповых и аутогрупповых отношений мусульман. Веркутен пишет: «Полученные результаты подтверждают идею о том, что религия может быть важным измерением для проявления значимых и сильных внутригрупповых и внегрупповых различий. Религия объединяет сообщество верующих вокруг консенсуса моральных ценностей и божественных истин» [14, p. 769].

Мысль о том, что выражение своей религиозности для мусульман является результатом индивидуальных и продуманных усилий, а не культурной нормой, является базисом для дальнейшей реконструкции социальных взаимоотношений в контексте ислама. Ведь после признания Творца (шахада) встает вопрос о человеческих взаимоотношениях с единоверцами и представителями других религий, а также дальнейшей стратегии жизни в обществе. В отношении единоверцев, как известно, ислам проповедует идею единства как нравственного императива: «Верующий – брат верующего, словно единое тело, если пожалуется на что-либо от него, то отзовется боль по всему телу, и души их – от души единой» [3], так и организационного: «Слышал я, как Посланник Аллаха (салля Ллаху алейхи ва салям) произнес: «Не бывает такого, чтобы трое живущих в деревне или в пустыне не проводили совместный слят и не завладел ими шайтан. Обязательно тебе держаться джамаата. Ведь, поистине, поедает волк отбившееся от стада животное»» [15]. Постоянная совместная религиозная практика порождает чувство единства и причастности к одной единой общине – умме. В Коране часто говорится, что «все верующие ведь братья» (49:10)¹. Именно через религиозную практику происходит объединение мусульман в социальную общность, которая основывается на общности духа и эсхатологическом восприятии судьбы. «Умма – это община, объединенная верой, братством, единством веры и судьбы», – пишет Т. Рамадан [17, р. 66]. В Коране также сказано: «Итак, Мы сделали вас общиной срединной, чтобы вы были свидетелями относительно людей, и чтобы посланник был свидетелем относительно вас самих» (2:137). Связь с уммой – это часть идентичности мусульман. Мусульманин, находясь в любой точке мира, чувствует принадлежность к умме, хотя бы виртуально [17]. На локальном уровне эта связь осуществляется через «джамааты» (общины в узком смысле слова, локальные объединения мусульман). Роль «джамаата» всегда обозначалась как одна из форм сохранения религии, как сказано в хадисе, приведенном выше. В современном секулярном мире в немусульманских странах фраза «держаться джамаата» часто звучит как категорический императив. Понимая идею «джамаата» как обязательного средства для поддержания «исламской идентичности», мы приходим к выводу, что коллективный компонент этой идентичности неразрывно связан с индивидуальной религиозностью. И религиозная практика, которая ранее рассматривалась как индивидуальное проявление религиозности, может принимать формы коллективной активности, т.е. коллективных действий индивидов от лица группы, причем

¹ Здесь и далее использован Коран в переводе Э. Кулиева [16].

религиозно мотивированных. «Джамаат» в этом случае выступает как аналог групповой политической единицы (политической группы), а действия в джамаате, в свою очередь, являются действиями по продвижению «исламской идентичности» и расширению ее границ во внешнем мире.

Большинство мусульман, как минимум, на словах поддерживают концепт уммы, но характер их участия в деятельности сообщества – хороший индикатор степени их интеграции с немусульманской цивилизацией. Следует различать тех, кто пытается вписать формы мусульманской общинности в структуру норм и обычаев принимающей страны, и тех, кто заявляет об игнорировании этих ограничений и стремится представить свое сообщество как идеальное транснациональное и экстерриториальное единство. Либерально настроенные исламские деятели, как и консерваторы, придерживаются первого подхода, а большинство неофундаменталистов предпочитают игнорировать ограничения интеграции. Первый подход соответствует глобализации в аспекте не только институализации, но и секуляризации, поскольку предполагает более или менее добровольное разграничение двух областей (светской и религиозной) и соответствующее этому вписывание в социальный ландшафт и адаптацию к нему. Но неофундаменталистский подход не означает возврата к принципу «дар уль-ислам» по принципу территориальности. Он не восстанавливает территориального единства мусульман, а вынуждает к детерриториализации «дар-уль-ислама», сочетается с абстрактным подходом к некоей виртуальной умме, который также является концептуальной адаптацией (пусть и отрицаемой) к секуляризованному окружению.

Абу Хамза, проповедник из Лондона, пишет: «Я советую переезжать в мусульманское окружение, а не в мусульманскую страну, потому что в наших родных краях есть мусульмане, но нет исламских государств. Я советую мусульманам уезжать из этих сообществ. Мне приходится выступать как Моисею в доме фараона» [12, р. 145]. Это ясно выраженная позиция, свидетельствующая о явлении, которое можно назвать детерриториализацией ислама: «дар-уль-ислам» – это не определенная территория, это место, где собираются «хорошие» мусульмане, т.е. окружение. Именно реконструкцию этого окружения на локальном уровне, т.е. через местные джамааты, можно назвать проявлением политической воли в секуляризованном обществе.

Подводя итог вышесказанному, предположим, что религиозная практика, которая является одновременно активным выражением «исламской идентичности» и индивидуальной религиозности, также является и этическими границами этого экстерриториального «окружения» мусульман или «ислам-

ского мира» (дар-уль-ислам). Подчеркнув это, хотелось бы привести слова одного из респондентов: «Мой отец говорил: шариат – это там, где я». Реконструкция и артикуляция религиозных норм в совершенно новых условиях является также и процессом реконструкции «общины» или воссозданием «исламской идентичности» на новых началах, а это в свою очередь означает, что религиозная практика в нерелигиозном обществе – это отчетливый пример коллективных действий.

Эмпирическое исследование

Для проверки гипотезы об оказываемом влиянии социальной идентичности на предпринимаемые коллективные действия было проведено эмпирическое исследование, в котором приняли участие мусульмане, учащиеся религиозных учебных заведений (медресе), а также члены их семей и близкие. Всего 124 респондента в возрасте от 18 до 55 лет: 72 мужчины и 52 женщины. Для исследования были отобраны следующие диагностические методики:

1. Авторская методика измерения вовлеченности в религиозную практику; состоит из 7 вопросов: «Совершаете ли вы намаз», «Ходите ли вы на пятничную молитву», «Читаете ли вы Коран», «Читаете ли вы сборники хадисов или другие источники исламских знаний», «Следуете ли вы правилам халяль/харам в вашем рационе», «Следуете ли вы правилам халяль/харам в отношениях с людьми». После обработки этой методики была получена переменная «вовлеченность в религиозную практику», которая отражает исполнение обязательных религиозных предписаний.

2. Авторская методика измерения воспринимаемой несправедливости по отношению к группе. После обработки этой методики была получена переменная «групповая несправедливость», которая отражает восприятие несправедливости по отношению к следующим категориям (из 6 вопросов): Исламу, себе и своей семье, другим мусульманам и людям вообще. Были предложены вопросы: «В мире происходят прецеденты несправедливости по отношению к религии Исламу/ другим мусульманам/ людям вообще» и «Я сталкивался с проявлениями несправедливости по отношению к религии Ислам и другим мусульманам/ ко мне лично и моим близким/ к людям вообще». Оценка чувства несправедливости проводилась по шкале Лайкарта от 1 (мин.) до 5 (макс.).

3. Авторская методика измерения чувства группового гнева. В рамках этой методики была получена переменная «групповой гнев», отражающая возникновение чувства гнева к проявленной несправедливости к перечисленным в предыдущей методике категориям через опрос: «Оцените, возникает ли

у вас чувство гнева, когда вы сталкиваетесь с несправедливостью по отношению к Вашей религии/ Пророку Мухаммаду/ ученым Ислама/ нормам и правилам шариата/ Вам и Вашим близким». Оценка чувства гнева проводилась по шкале Лайкарта от 1 (мин.) до 5 (макс.).

4. Авторская методика измерения степени вовлеченности в коллективные действия. После обработки результатов данной методики была получена переменная «коллективные действия», которая отражает вовлеченность участников исследования в совершение действий от лица социальной группы (мусульман). Вопросы этой методики были разделены на две категории - «эффективность против несправедливости» и «эффективность в повышении статуса группы», 9 и 8 вопросов в категории соответственно. Респонденты отмечали те действия, в которых принимали участие, например такие, как написание комментариев в социальных сетях с целью разъяснения религии, ношение исламской атрибутики (что также можно считать проявлением коллективных действий), участие в массовых акциях и взаимодействие с администрацией.

5. Авторская методика измерения личной и групповой эффективности от коллективных действий. На основе этой методики была получена переменная «групповая эффективность», отражающая воспринимаемую эффективность от коллективных действий. Она содержала 3 вопроса: «Как вы оцениваете эффективность от предпринятых действий в поддержание статуса/устранение несправедливости, а также общую оценку эффективности мусульман как группы». На каждый вопрос предлагалось ответить в соответствии со шкалой Лайкарта: от 1 (минимальная эффективность) до 5 (максимальная эффективность). Каждый из 3 вопросов представляет собой отдельный параметр для измерения и переменную для расчетов.

6. Методика Д. ван Камп «Измерение индивидуальных/социальных компонентов религиозной идентичности» (адаптация русскоязычной исламской версии – О.С. Павлова). В основе этой методики лежит концепция Д. Ван Камп, которая была адаптирована на русскоязычную выборку [18].

Для проверки внутренней надежности и согласованности шкал и последующего создания переменных использован коэффициент альфа Кронбаха (только переменные с высоким уровнем значимости альфа Кронбаха).

Обработка результатов

Статистическая обработка данных осуществлялась в программе IBM SPSS Statistics (v. 24). Была проведена первоначальная обработка результатов методами описательной статистики. Для установления связи между по-

казателями элементов религиозной идентичности и коллективных действий был проведен корреляционный анализ с использованием коэффициента корреляции Спирмена. Коэффициент ранговой корреляции Спирмена – это количественная оценка статистического изучения связи между явлениями, используемая в непараметрических методах. Дополнительно был произведен корреляционный анализ переменной «религиозная идентичность» как суммы элементов в структуре идентичности, вовлеченности в религиозную практику, совершение намаза и участие в коллективных действиях.

Для проверки основной гипотезы исследования о влиянии группового гнева и чувства групповой эффективности на идентичность практикующих мусульман и, в последующем, на коллективное поведение (согласно модели EMSICA) был проведен поэтапный регрессионный анализ исследуемых параметров. Регрессионный анализ – это набор статистических методов оценки отношений между переменными. Его можно использовать для оценки степени взаимосвязи между переменными и для моделирования будущей зависимости. По сути, регрессионные методы показывают, как по изменениям «независимых переменных» можно зафиксировать изменение «зависимой переменной». Зависимую переменную обычно называют предиктором (характеристика, за изменением которой наблюдают). В данном исследовании используется линейная модель регрессионного анализа.

Описательная статистика

Согласно проведенному эмпирическому исследованию, в выборке структуры религиозной идентичности мусульман на первом месте располагается параметр «Индивидуальная духовная идентичность», который означает выраженность религиозной веры на личном уровне. Второе место занимает «Идентичность по вероисповеданию», которая выражает субъективное ощущение взаимосвязи с религиозной группой и место значимости религиозной группы для формирования Я-образа. Третье место занимает «Социальная духовная идентичность», т. е. принадлежность к джамаату (общине). Четвертое место занимает «Религия как способ социального взаимодействия», т. е. получение социальных выгод и налаживание социальных контактов на основе религиозной принадлежности. Более подробные результаты можно увидеть в таблице 1.

Таблица 1. / Table 1.

Результаты изучения религиозной идентичности по методике Д. ван Камп
The results of the religious identity study by the method of D. Van Camp

Переменные	Среднее значение	Среднее отклонение
Индивидуальная духовная идентичность	4,5162	,79151
Идентичность по вероисповеданию	3,6850	,99467
Социальная духовная идентичность	3,1238	,98697
Религия как способ социального взаимодействия	2,5324	,97701

Результаты опроса по второй методике исследования «Вовлеченность в религиозную практику» показали, что подавляющее большинство респондентов (95-99%) положительно ответили на каждый из вопросов, кроме вопроса о посещении пятничной молитвы, что объясняется тем фактом, что в исследовании принимали участие 52 женщины (41% от общего количества респондентов) и исполнение пятничной молитвы для них не является обязательным. Такие результаты объяснимы, т.к. большая часть респондентов были учащимися исламских учебных заведений и членами местных джамаатов (религиозных общин). Также стоит подчеркнуть, что методика содержит как положение об исполнении религиозных ритуалов, так и этику взаимоотношения с внешним миром, а также получение сопутствующих знаний (из Корана, книг ученых и сунны Пророка Мухаммада), что также является обязанностью мусульман.

Результаты опроса по методике «Изучение вовлеченности в коллективные действия» обнаружили, что большинство респондентов в той или иной степени принимали участие в действиях от лица группы, что вполне ожидаемо. Например:

1. Для предотвращения несправедливости в отношении ислама в мире предпринимались следующие действия: писали комментарий в социальных сетях в ответ на ложную (на ваш взгляд) информацию – 45 человек (36% от общего числа респондентов); подписывали петицию – 49 (39%) человек; отстаивали честь и доброе имя Пророка Мухаммада – 49 человек (39%); отстаивали честь и доброе имя ученых ислама или выдающихся мусульман – 49 человек (39%); отстаивали честь и доброе имя знакомых вам едино-

верцев – 53 человека (42%); вели споры с представителями других религиозных или социальных групп – 20 человек (16%); обращались к региональным или федеральным властям – 11 человек (9%).

2. Действия, которые предпринимались для поддержания или повышения статуса ислама и мусульман: личным примером старались показать позитивную роль ислама в жизни людей – 94 человека; участвовали в собраниях в кругу единоверцев для сплочения и повышения уровня взаимного доверия – 55 человек (44% от общего числа); выкладывали посты, картинки в социальных сетях для возвеличивания ислама – 52 человека (41%); участвовали в благотворительных акциях с целью помощи единоверцам или представителям других социальных групп от лица мусульман – 47 человек (38%); занимались просветительской деятельностью относительно истории ислама в мире – 38 человек (30%); участвовали в благотворительных акциях, связанных с распространением исламского вероучения, – 37 человек (29%); вели полемику с представителями других религиозных и социальных групп, стараясь объяснить позитивную роль ислама, – 36 человек (29%); надевали различную атрибутику, чтобы подчеркнуть принадлежность к исламу, – 36 человек (29%).

Результаты исследования показали, что большинство респондентов участвовали в правомерных действиях для устранения несправедливости, но не взаимодействовали с официальными институтами (администрацией), а также не участвовали в уличных акциях или митингах. Вопросы об участии в подобных акциях были одним из ограничений исследования, так как предполагается, что различные обстоятельства и социальное давление могли помешать респондентам ответить достоверно.

Опрос по методикам восприятия несправедливости к группе показал, что для респондентов достаточно убедительным является восприятие мира как несправедливого места для мусульман – 67 респондентов (54%) оценили высокий уровень несправедливости по пятибалльной шкале; для людей вообще, без связи с религиозной принадлежностью – 72 респондента (58%), однако они сами с такой несправедливостью сталкиваются редко; 12 лично сталкивались (9%) и 18 сталкивались с несправедливостью к их близким и семьям (14%). Достаточно высокие значения были получены лишь по вопросам о несправедливости по отношению к мусульманам и исламу – 43 респондента (34%). В целом, это подтверждает нашу теорию о том, что российские (более конкретно – московские) мусульмане находятся в ситуации относительной депривации в обществе, причем расхождение между чувст-

вом несправедливости к личности и к группе, на наш взгляд, лишь подчеркивает интенсивность этого чувства, потому как в этом случае учитывается не только личный опыт столкновения с несправедливостью, но и оценка всей ситуации в обществе.

Методика измерения чувства гнева обнаружила, что одинаковое количество респондентов подвержены гневу по отношению к несправедливости как к себе и своим близким: 68 респондентов (54 % от общего количества), так и к своей религии: также 68 респондентов, что говорит о высоком уровне отождествления себя с религией и восприятии несправедливости к своей религии так же близко, как к себе и своей семье. Самые высокие показатели гневливости были получены в отношении несправедливости к Пророку Мухаммаду – 78 респондентов (62%), что действительно подтверждается некоторыми высказываниями как респондентов, так и общим настроением, преобладающим у мусульман. В целом, это ожидаемый результат, подтверждаемый действительностью, причину такого отношения мы получили в виде комментария одного из участников исследования (мужчины 36 лет): «Оскорбление Пророка Мухаммада, да благословит его Аллах и да приветствует, – это удар в самое сердце духовной идентичности мусульман, и оно не должно оставаться без ответа». В данном исследовании не было цели выяснить отношение респондентов к Пророку Мухаммаду, однако из многочисленных упоминаний, полученных в результате личных встреч, становится очевидной высокая эмоциональная привязанность.

В соответствии с методикой оценки групповой эффективности респонденты оценивают свои действия, предпринятые для предотвращения несправедливости в отношении ислама и мусульман, ниже среднего, средние значения эффективности были получены в оценке действий для повышения статуса ислама и мусульман, а также в отношении общей групповой эффективности. Было заметно, что несколько лучше респонденты оценивали свои действия для повышения статуса группы. Для дальнейшего исследования эти вопросы не объединялись в единую переменную, что было необходимым для более точного анализа полученных корреляций. В теории исследования предполагается, что «групповой гнев» и эффективность выступают двумя независимыми предикторами групповых действий, однако эффективность от действий может быть связана с различными элементами в структуре «исламской идентичности», и действия по предотвращению несправедливости/повышению статуса могут служить оценкой разных переменных.

Результаты корреляционного анализа

Статистическая обработка данных осуществлялась в программе IBM SPSS Statistics (v. 24). Для установления связи между показателями элементов религиозной идентичности и коллективных действий был проведен корреляционный анализ с использованием коэффициента корреляции Спирмена. Коэффициент ранговой корреляции Спирмена – это количественная оценка статистического изучения связи между явлениями, используемая в непараметрических методах. Значение коэффициента меняется от -1 (последовательности рангов полностью противоположны) до $+1$ (последовательности рангов полностью совпадают). Нулевое значение показывает, что признаки независимы.

Дополнительно был произведен корреляционный анализ переменной «религиозная идентичность» как суммы элементов в структуре идентичности: вовлеченность в религиозную практику, совершение намаза и коллективных действий.

Таблица 2. / Table 2.

**Результаты корреляционного анализа компонентов религиозной
идентичности и коллективных действий**
**The results of correlation analysis of religious identity
components and collective actions**

Переменные	Религия как способ соц. взаим-я	Соц. дух. идентич- ность	Идент. по вероис- поведани- ю	Инд-я дух-я иден-ть	Колл. действия
Религия как способ социального взаимо- действия	–	433**	374**	,322**	,203*
Социальная духовная идентичность	433**	–	,549**	,470**	,296**
Идентичность по вероисповеданию	374**	,549**	–	,685**	
Индивидуальная ду- ховная идентичность	,322**	,470**	,685**	–	
Коллективные дей- ствия	,203*	,296**	–	–	–

Note. * $p < 0.05$, ** $p < 0.01$, *** $p < 0.001$

Как видно из табл. 2, корреляционный анализ показал наличие статистически значимых положительных корреляций между параметрами «коллективные действия», «религия как способ социального взаимодействия» ($R_s=0,203^*$; $p \leq 0,05$) и «социальной духовной идентичностью» ($R_s=0,296^*$; $p \leq 0,05$); при этом все компоненты религиозной идентичности ожидаемо коррелируют между собой.

Таблица 3. / Table 3.

**Результаты корреляционного анализа религиозной идентичности,
коллективных действий и вовлеченности в религиозную практику**
**The results of religious identity, collective actions and involvement
in religious practice correlation analysis**

Переменные	Идентичность.	Колл-е действия	Рел. пра- ктика	Совершение намаза
Идентичность	–	,234*	,237*	,269**
Коллективные действия	,234*	–	,180	,188*
Вовлеченность в религиозную практику	,237*	,180	–	,579**
Совершение намаза	,269**	,188*	,579**	–

Note. * $p < 0.05$, ** $p < 0.01$, *** $p < 0.001$

Из полученных данных, приведенных в табл. 3, видно, что имеется положительная корреляция между параметрами «коллективные действия», «религиозная идентичность» ($R_s=0,234^*$; $p \leq 0,05$) и «совершение намаза» ($R_s=0,269^{**}$; $p \leq 0,01$), при этом параметр «вовлеченность в религиозную практику» положительно коррелирует ($R_s=0,180$) с уровнем значимости ($0,058$), что в таких пределах не обладает статистической значимостью, но может свидетельствовать о некой тенденции. Возможно, это связано с недостаточно большим размером выборки. Параметр «совершение намаза» ожидаемо коррелирует с «вовлеченностью в религиозную практику» и имеет положительную корреляцию ($R_s=0,269^{**}$; $p \leq 0,01$) с параметром мусульманской идентичности (общей).

Также для установления связи между показателями восприятия эффективности действий в повышении статуса группы, религиозной идентичности, восприятия групповой несправедливости (ущемленности) и коллективными действиями был проведен корреляционный анализ с использованием коэффициента корреляции Спирмена.

Таблица 4. / Table 4.

**Результаты корреляционного анализа религиозной идентичности
(а также ее компонента «религия как способ социального взаимодействия»),
коллективных действий, групповой эффективности и восприятия
групповой несправедливости**
**The results of correlation analysis of religious identity (as well as its component –
«religion as a way of social interaction»), collective actions, group effectiveness
and the perception of group injustice**

Переменные	Идентичность	Эффект. повыш. статуса	Колл. действия	Групп. неспр.	Религия как способ соц. взаи- модейст- вия
Идентичность	–				
Эффективность в по- вышении статуса	0.21*	–			
Коллективные дейст- вия	-0.21*	0.09	–		
Восприятие групповой несправедливости	0.17	-0.07	-0.18	–	
Религия как способ соц. взаимодействия	-0.26*	-0.11	0.28**	0.06	–

Note. * $p < 0.05$, ** $p < 0.01$, *** $p < 0.001$

Корреляционный анализ (см. табл. 4) свидетельствует, что существует значимая положительная корреляция между «восприятием эффективности действий в повышении статуса группы» и «коллективными действиями» ($R_s = ,258^{**} p \leq 0,01$), а также «восприятием групповой несправедливости» ($R_s = ,277^{**} p \leq 0,01$). Также существует значимая корреляция между следующими переменными: «восприятием эффективности действий в повышении статуса группы» с переменными: «идентичностью» (общая) ($R_s = ,206^* p \leq 0,05$) и «религией как способом соц. взаимодействия» ($R_s = ,223^* p \leq 0,05$).

Корреляционный анализ для установления связи между параметром «групповой гнев», восприятием групповой несправедливости, религиозной идентичностью (общая переменная), индивидуальной духовной идентичностью и идентичностью по вероисповеданию показал следующие результаты (см. табл. 5).

Таблица 5. / Table 5.

**Результаты корреляционного анализа компонентов религиозной
идентичности, группового гнева и восприятия несправедливости**
**The results of correlation analysis of the components of religious identity,
group anger and perception of injustice**

Переменные	Группо- вой гнев	Восприятие групповой несправ-и	Индивид-я духовная идентич- ность	Идент-ть по вероис- п-ю	Идент- ть (общая)
Групповой гнев	–	,397**	,225*	,431**	,293**
Восприятие групповой несправедливости	,397**	–			
Индивидуальная духовная идентичность	,225*		–	,685**	,763**
Идентичность по вероисповеданию	,431**		,685**	–	,834**
Идентичность (общая)	,293**		,763**	,834**	–

Note. * $p < 0.05$, ** $p < 0.01$, *** $p < 0.001$

Как следует из вышеприведённого корреляционного анализа (см. табл. 5), параметр «групповой гнев» коррелирует с «восприятием групповой несправедливости» ($R_s = ,397^{**} p \leq 0,01$), «идентичностью по вероисповеданию» ($R_s = ,431^{**} p \leq 0,01$) и общей переменной «идентичности» ($R_s = ,293^{**} p \leq 0,01$), а также с «индивидуальной духовной идентичностью» ($R_s = ,225^* p \leq 0,05$). Наиболее сильная корреляция здесь существует, как и ожидалось, между групповым гневом и воспринимаемой групповой несправедливостью. Все компоненты религиозной идентичности и переменная «идентичность» (общая) ожидаемо коррелируют между собой на высоком уровне.

Результаты регрессионного анализа

Для проверки основной гипотезы о влиянии группового гнева и чувства групповой эффективности на идентичность практикующих мусульман и, в последующем, на коллективное поведение (согласно модели EMSICA) был проведен поэтапный регрессионный анализ исследуемых параметров.

Для оценки влияния независимой переменной «восприятие эффективности действий для повышения группового статуса» на зависимую переменную «идентичность» был проведен линейный регрессионный анализ, контрольной переменной выступала переменная «религиозная практика».

Таблица 6. / Table 6.

Результаты регрессионного анализа оценки влияния переменной «эффективности действий для повышения группового статуса» на идентичность
The results of regression analysis of the assessment of the influence of the variable «effectiveness of actions to increase group status» on identity

Модель	Не стандартизованные коэффициенты		Стандартизованные коэффициенты		
	В	Стандартная ошибка	Бета	Т	Значимость
(Константа)	2,504	,328		7,637	,000
Групп. эффективность	,123	,059	,208	2,084	,040
Рел. практика	,744	,330	,225	2,257	,026
Сводка для модели					
Модель	Сумма квадратов	Степени свобод.	Средний квадрат	Значимость	R-Квадрат
Регрессия	4,548	2	2,274	,009b	,098
Остаток	41,794	91	,459		
Всего	46,343	93			

а. Зависимая переменная: идентичность

б. Предикторы: (константа), групповая эффективность, рел. практика

Сумма квадратов регрессии в исследовании этих переменных составляет (4,548) со средним квадратом отклонения (2,274) на уровне значимости,009 тысячных, остаток (41,794), объем объяснённой дисперсии $r^2=,098$.

Данные регрессионного анализа свидетельствуют, что независимая переменная «групповая эффективность для повышения статуса» является предиктором зависимой переменной «идентичность» со стандартизованным коэффициентом ($,208$) со значимостью ($,040$). Данные по контрольной переменной «религиозная практика» составляют ($,225/026$), что также свидетельствует об оказываемом ею влиянии на зависимую переменную.

Для оценки влияния независимой переменной «группового гнева» на зависимую переменную «идентичность» был проведен линейный регрессионный анализ, контрольной переменной выступала переменная «религиозная практика».

Таблица 7. / Table 7.

**Результаты регрессионного анализа оценки влияния
переменной «групповой гнев» на идентичность
The results of the regression analysis of the assessment of
the influence of the variable «group anger» on identity**

Модель	Не стандартизованные коэффициенты		Стандартизованные коэффициенты		
	B	Стандартная ошибка	Бета	T	Значимость
(Константа)	2,230	,356		6,262	,000
Групповой Гнев	,194	,072	,263	2,684	,009
Рел. Практика	,655	,325	,198	2,013	,047
Сводка для модели					
Модель	Сумма квадратов	Степени свобод	Средний квадрат	Значимость	R-Квадрат
Регрессия	5,773	2	2,887	,002b	,124
Остаток	40,861	93	,439		
Всего	46,634	95			

а. Зависимая переменная: идентичность

б. Предикторы: (константа), групповой гнев, рел. практика

Сумма квадратов регрессии в исследовании этих переменных составляет (5,773) со средним квадратом отклонения (2,887) на уровне значимости,002 тысячных, остаток (40,861), объем объяснённой дисперсии $r^2=,124$

Данные регрессионного анализа свидетельствуют, что независимая переменная «групповой гнев» является предиктором зависимой переменной на

уровне стандартизированного коэффициента (,263) со значимостью (,009). Данные по контрольной переменной «религиозная практика» составляют (,198/,047), что также свидетельствует об оказываемом ею влиянии на зависимую переменную.

Для оценки влияния независимых переменных «идентичность» (общая) и «религиозная практика» на зависимую переменную «коллективные действия» был проведен линейный регрессионный анализ.

Таблица 8. / Table 8.

**Результаты регрессионного анализа оценки влияния переменных
«идентичность» и «вовлеченность в религиозную практику»
на участие в коллективных действиях**
**The results of the regression analysis of the assessment of the influence
of the variable "identity" and "involvement in religious practice"
on participation in collective actions**

Модель	Не стандартизованные коэффициенты		Стандартизованные коэффициенты		
	В	Стандартная ошибка	Бета	Т	Значимость
(Константа)	-,027	,133		-,204	,838
Идентичность	,052	,032	,175	1,641	,104
Рел. практика	,231	,114	,216	2,023	,046
Сводка для модели					
Модель	Сумма квадратов	Степени свободы	Средний квадрат	Значимость	R-Квадрат
Регрессия	,346	2	,173	,017b	,093
Остаток	3,366	83	,041		
Всего	3,712	85			

а. Зависимая переменная: коллективные действия

б. Предикторы: (константа), идентичность, рел. практика

Сумма квадратов регрессии в исследовании этих переменных составляет (,346) со средним квадратом отклонения (,173) на уровне значимости,017 тысячных, остаток (3,366), объем объяснённой дисперсии $r^2=,093$

Данные регрессионного анализа свидетельствуют, что независимая переменная «идентичность» является предиктором зависимой переменной «коллективные действия» со стандартизированным коэффициентом (,175) со значимостью (,104), переменная «религиозная практика» является предиктором переменной «коллективные действия» со стандартизированным коэффициентом (,216) и со значимостью (,046).

Интерпретация результатов и ограничения исследования

Сравнение четырех компонентов религиозной идентичности с совершением коллективных действий (табл. 2) выявило значимые положительные связи между параметром «коллективные действия» и компонентами религиозной идентичности «социальная духовная идентичность» и «религия как способ социального взаимодействия». Это означает, что чем сильнее респонденты были вовлечены в совершение коллективных действий (от лица группы, т.е. мусульман), тем сильнее были выражены компоненты их религиозной идентичности. Теория «интуитивных экономистов» Мансура Олсена, представленная выше, частично позволяет интерпретировать такой результат как связь компонента «религия как способ социального взаимодействия» и вовлеченности в коллективные действия, как попытку получения индивидуальных выгод от коллективных действий и принадлежности к группе – мусульманам. Такое предположение подтверждают данные корреляционного анализа, изложенные в таблице 4, где параметр «религия как способ социального взаимодействия» положительно коррелирует с «эффективностью в повышении статуса группы», который также положительно коррелирует с «коллективными действиями». Суммируя все вышесказанное, можно сказать об общей тенденции, когда выраженность параметра «религия как способ социального взаимодействия», получение социальных выгод и налаживание социальных контактов на основе религиозной принадлежности находятся во взаимосвязи с положительным восприятием действий, предпринятых для повышения статуса группы, непосредственно активным компонентом такой связи служат сами коллективные действия. Но такой подход не дает нам полной картины. В теоретической части, рассматривая исламскую идентичность, мы сделали предположение, что «исламская идентичность» строится на принадлежности к единой «умме»; объединением на этических и эсхатологических основах вне

территориальных границ, локальным выражением, а также средством в поддержании и продвижении такой идентичности является «джамаат» (община в узком смысле слова, местное объединение мусульман). Таким образом, «социальная духовная идентичность» и «религия как способ социального взаимодействия» могут быть объединены во взаимосвязи с коллективными действиями в более широкую модель, куда также входит такой параметр, как «вовлеченность в религиозную практику» и, как частный пример этого параметра, «совершение намаза», которые также получили корреляционную связь с коллективными действиями (табл. 3). Как мы продемонстрировали в теоретической части, вовлеченность в религиозную практику концептуально может рассматриваться не только как простое исполнение религиозных обязанностей, но и как границы «исламского мира» (дар-уль-ислам), понимаемого как «окружение», но не как территория. Один из участников исследования (мужчина 30 лет) сказал: «Нет ислама без джамаата», другой участник (мужчина 50 лет), по всей видимости, более образованный, развернул эту мысль: «Джамаат – это единица исторической субъектности ислама. Один мусульманин не имеет исторического потенциала» (скорее, имелось в виду участие в исторических и социальных преобразованиях). Исходя из этого, переменные «социальная духовная идентичность», «религия как способ социального взаимодействия» и «вовлеченность в религиозную практику», как и переменная, составленная из компонентов методики Д. ван Камп – «идентичность» (общая), также получившая корреляцию с коллективными действиями (Табл. 4), являются отражением общей «исламской идентичности» и тесно взаимосвязаны с вовлеченностью в коллективные действия. Все это позволяет подтвердить дополнительную гипотезу нашего исследования.

Регрессионный анализ предикторов зависимой переменной «идентичность» (общая) (сводные таблицы 6 и 7) показал, что переменные «групповой гнев» и «групповая эффективность в повышении статуса группы» оказывают влияние на зависимую переменную «идентичность», что согласуется с первой частью нашей основной гипотезы. Как показал корреляционный анализ, групповой гнев теснейшим образом связан с чувством несправедливости в отношении группы (выраженной переменной «групповая несправедливость»), что подтверждает теорию относительной депривации, которая говорит о том, что гнев возникает в ответ на ущемление группы (групповое неблагополучие) и является предиктором коллективных действий. В нашем случае совершение коллективных действий опосредует социальная идентичность мусульман (в ее религиозном аспекте), что согласуется с первой частью модели Эммы Томас

EMSICA, которая была приведена в теоретической части. Переменная «идентичность» (общая), являющаяся выражением религиозного аспекта социальной идентичности мусульман, есть предиктор зависимой переменной «коллективные действия» (сводная таблица 8), что согласуется со второй частью модели EMSICA. Данные регрессионного анализа подтверждают основную гипотезу нашего исследования. Модель EMSICA, в отличие от модели Мартина ван Зомерена SIMCA, которая также была приведена в теоретической части, предположительно, лучше предсказывает коллективные действия, когда социальная идентичность не столь выражена. В рамках логики EMSICA восприятие социальной несправедливости (морального возмущения – выраженного переменной «групповая несправедливость» и связанного с ней гнева – выраженного переменной «групповой гнев»), сочетаясь одновременно с верой в коллективные усилия с единомышленниками, может способствовать возникновению или актуализации социальной идентификации, за этим следует намерение действовать коллективно для восстановления социальной справедливости. В нашем исследовании это означает, что респонденты наиболее полно актуализировали свою «исламскую идентичность» (т.е. осознавали себя как мусульмане) именно в ситуациях столкновения с коллективным неблагополучием (групповой ущемленностью) и исходя из этой идентичности реализовывали стратегию по совладению с коллективным неблагополучием.

Ограничением исследования является небольшой охват объема дисперсии, предположительно связанный с относительно малой выборкой, а также тот факт, что религиозный аспект социальной идентичности мусульман измерялся с помощью методики измерения компонентов религиозной идентичности Д. ван Камп, из которой синтетически конструировалась общая переменная «идентичность».

Подчеркнем также и то, что вовлеченность в религиозную практику, по результатам исследования, являлась предиктором как «идентичности», так и «коллективных действий», что согласуется с теоретическими положениями. Потенциально это может стать возможностью для расширения и адаптации моделей исследования коллективных действий с учетом специфики социальной идентичности мусульман.

Заключение

В данной работе предпринята попытка обобщить результаты различных моделей коллективных действий и применить их к специфике социальной идентичности мусульман, что позволило прийти к некоторым концептуаль-

ным новшествами, которые в дальнейшем можно использовать для построения моделей исследования социальной идентичности мусульман и совершаемых ими действий от лица группы (коллективных действий). Так, теоретический анализ позволил рассматривать «исламский мир» (умму) как экстерриториальное объединение или «окружение», построенное на этических принципах, выражением этого «мира» служит «исламская идентичность», проявляющаяся как в форме индивидуальной религиозности, так и в структуре локальных общин – «джамаатов». Принадлежность к джамаату является одним из компонентов религиозной идентичности мусульман, а вовлеченность в религиозную практику, как коллективную, так и индивидуальную, – границами этого «окружения». В условиях секулярного неисламского общества, а также традиционно исламских стран, где социальный авторитет религии уже не играет роли и принуждение к исповеданию религии невозможно, вовлеченность в религиозную практику является продуманным шагом, требующим усилий, который можно классифицировать в рамках теории коллективных действий. Корреляционный анализ показал связь между вышеизложенными параметрами, что позволило подтвердить дополнительную гипотезу исследования и обосновать материал, изложенный в теоретической части.

Однако коллективные действия мусульман также объясняются с позиций классических теорий коллективных действий, которые используются в данном исследовании. Так, регрессионный анализ позволил поэтапно подтвердить основную гипотезу исследования в рамках модели EMSICA Э. Томаса. Это означает, что групповой гнев и групповая эффективность являются предикторами социальной идентичности мусульман, которая опосредует их участие в коллективных действиях. Были получены данные об устойчивой взаимосвязи этих параметров, а также дополнительные сведения о связи вовлеченности в религиозную практику с участием в коллективных действиях, что позволило расширить картину влияния религиозной идентичности на коллективные действия.

Литература

1. Лебон Г. *Психология толп*. М.: Ин-т психологии РАН, изд-во «КСП+»; 1999. 416 с.
2. Van Zomeren, M., Postmes T., Spears R. Toward an integrative social identity model of collective action: A quantitative research synthesis of three socio-psychological perspectives. *Psychological Bulletin*. 2008;134(4):504–535. DOI: 10.1037/0033-2909.134.4.504

3. Thomas E.F., Mavor K.I., McGarty C. Social identities facilitate and encapsulate action-relevant constructs: A test of the social identity model of collective action. *Group Processes & Intergroup Relations*. 2012;15(1):75–88. DOI: 10.1177/1368430211413619
4. Olson M. *The logic of collective action: Public goods and the theory of groups*. Cambridge, MA: Harvard University Press; 1968. 199 p.
5. Runciman W.G. *Relative deprivation and social justice: A study of attitudes to social inequality in twentieth-century*. England. Berkeley: University of California Press; 1966. 338 p.
6. Tajfel Henri. *Social Identity and Intergroup Relations*. Cambridge, UK: Cambridge University Press; 1982. 546 p. DOI: 10.1007/978-3-658-13213-2_75
7. Tajfel H., Turner J.C. An integrative theory of intergroup conflict. Austin W.G. & Worchel S. (eds). *The social psychology of inter-group relations*. Monterey, CA: Brooks/Cole; 1979, pp. 33–47.
8. Van Zomeren M., Leach C.W. & Spears R. Does group efficacy increase group identification? Resolving their paradoxical relationship. *Journal of Experimental Social Psychology*. 2010;46(6):1055–1060. DOI: 10.1016/j.jesp.2010.05.006
9. Van Zomeren M., Spears R., Fischer A.H. & Leach C.W. Put your money where your mouth is! Explaining collective action tendencies through group-based anger and group efficacy. *Journal of Personality and Social Psychology*. 2004;87:649–664.
10. Rose D. Social comparisons and social order: issues relating to a possible re-study of 'W.G. Runciman's relative deprivation and social justice. *ISER Working Paper Series*. 2006;(48):27 p.
11. Оськин К.В. Исламская идентичность в фокусе психологии межгрупповых отношений. *Ислам: личность и общество*. 2020;(4):105–115.
12. Руа О. *Глобализованный ислам*. М.: Фонд Марджани; 2018. 338 с.
13. Muqtedar Khan. The Political Philosophy of Islamic Resurgence. *Cultural Dynamics*. 2001;13(2):211–229. DOI: 10.1177/092137400101300204
14. Verkuyten M. Political mobilization of dutch muslims: Religious identity salience, goal framing and normative. *Journal of Social Issues*. 2010;66(4):759–780. DOI: 10.1111/j.1540-4560.2010.01674.x
15. Хадис 547. *Сунан Аби Дауд*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://isnad.link/book/sunan-abu-dauda> (дата обращения: 22.05.2021).
16. Кулиев Э.Р. *Перевод смыслов Священного Корана*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kulichki.net/moshkow/RELIGION/ISLAM/koran_kul.txt (дата обращения: 22.05.20210).

17. Дешкова А.О. *Феномен евроислама в современном политическом дискурсе*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dspace.spbu.ru/bitstream/11701/2997/1/Deshkova_A__O__Fenomen_evroislama_v_sovremenном_politicheskom_diskurse.pdf (дата обращения: 22.05.2021).

18. Павлова О.С., Миназова В.М., Хухлаев О.Е. Религиозная идентичность студентов-мусульман (на материале изучения молодежи, проживающей в Чеченской республике). *Культурно-историческая психология*. 2016;12(4):90–99. DOI: 10.17759/chp.2016120409

References

1. Lebon G. *Psikhologiya tolp* [La Psychologie des foules]. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, "KSP+" Publishing House; 1999. 416 p. (In Russian)

2. Van Zomeren, M., Postmes T., Spears R. Toward an integrative social identity model of collective action: A quantitative research synthesis of three socio-psychological perspectives. *Psychological Bulletin*. 2008;134(4):504–535. DOI: 10.1037/0033-2909.134.4.504

3. Thomas E.F., Mavor K.I., McGarty C. Social identities facilitate and encapsulate action-relevant constructs: A test of the social identity model of collective action. *Group Processes & Intergroup Relations*. 2012;15(1):75–88. DOI: 10.1177/1368430211413619

4. Olson M. *The logic of collective action: Public goods and the theory of groups*. Cambridge, MA: Harvard University Press; 1968. 199 p.

5. Runciman W.G. *Relative deprivation and social justice: A study of attitudes to social inequality in twentieth-century*. England, Berkeley: University of California Press; 1966. 338 p.

6. Tajfel Henri. *Social Identity and Intergroup Relations*. Cambridge, UK: Cambridge University Press; 1982. 546 p. DOI: 10.1007/978-3-658-13213-2_75

7. Tajfel H., Turner J.C. An integrative theory of intergroup conflict. Austin W.G. & Worchel S. (eds). *The social psychology of inter-group relations*. Monterey, CA: Brooks/Cole; 1979, pp. 33–47.

8. Van Zomeren M., Leach C.W. & Spears R. Does group efficacy increase group identification? Resolving their paradoxical relationship. *Journal of Experimental Social Psychology*. 2010;46(6):1055–1060. DOI: 10.1016/j.jesp.2010.05.006

9. Van Zomeren M., Spears R., Fischer A.H. & Leach C.W. Put your money where your mouth is! Explaining collective action tendencies through group-based

anger and group efficacy. *Journal of Personality and Social Psychology*. 2004;87:649–664.

10. Rose D. Social comparisons and social order: issues relating to a possible re-study of 'W.G. Runciman's relative deprivation and social justice. *ISER Working Paper Series*. 2006;(48):27 p.

11. Oskin K.V. Islamskaya identichnost' v fokuse psikhologii mezhgruppovykh otnosheniy [Islamic Identity in the focus of intergroup relations Psychology]. *Islam: lichnost' i obshchestvo* [Islam: Personality and Society]. 2020;(4):105–115. (In Russian)

12. Rua O. *Globalizovannyi islam* [Globalized Islam]. Moscow: Marjani Foundation Publ.; 2018. 338 p. (In Russian)

13. Muqtedar Khan. The Political Philosophy of Islamic Resurgence. *Cultural Dynamics*. 2001;13(2):211–229. DOI: 10.1177/092137400101300204

14. Verkuyten M. Political mobilization of dutch muslims: Religious identity salience, goal framing and normative. *Journal of Social Issues*. 2010;66(4):759–780. DOI: 10.1111/j.1540-4560.2010.01674.x

15. Khadis 547 [Hadith 547]. *Sunan Abi Daud* [Sunan Abu Daoud]. [Electronic source]. Available at: <https://isnad.link/book/sunan-abu-daouda> (Accessed: 22.05.2021). (In Russian)

16. Kuliyeu E.R. *Perevod smyslov Svyashchennogo Korana* [Translation of the meanings of the Holy Quran]. [Electronic source]. Available at: http://www.kulichki.net/moshkow/RELIGION/ISLAM/koran_kul.txt (Accessed: 22.05.2021). (In Russian)

17. Deshkova A.O. *Fenomen evroislama v sovremennom politicheskom diskurse* [The phenomenon of Euro-Islam in modern political discourse]. [Electronic source]. Available at: https://dspace.spbu.ru/bitstream/11701/2997/1/Deshkova_A__O__Fenomen_evroislama_v_sovremennom_politicheskom_diskurse.pdf (Accessed: 22.05.2021). (In Russian)

18. Pavlova O.S., Minazova V.M., Khukhlaev O.E. Religioznaya identichnost' studentov-musul'man (na materiale izucheniya molodezhi, prozhivayushchey v Chechenskoy respublike) [Religious identity of Muslim students (based on the study of the youth living in the Chechen Republic)]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural and Historical Psychology]. 2016;12(4):90–99. DOI: 10.17759/chp.2016120409 (In Russian)

Информация об авторе

Оськин Кирилл Александрович, психолог, магистр психологии, выпускник магистерской программы «Психология Востока: этничность, религия и межкультурная коммуникация» Московского государственного психолого-педагогического университета, г. Москва, Российская Федерация.

About the author

Kirill A. Oskin, Master of Psychology, Graduate of «Psychology of the East: Ethnicity, Religion and Intercultural Communication» Master's Program of Moscow State Psychological and Pedagogical University, Moscow, the Russian Federation.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 09 ноября 2021
Одобрена рецензентами: 22 декабря 2021
Принята к публикации: 15 февраля 2022

Article info

Received: November 09, 2021
Reviewed: December 22, 2021
Accepted: February 15, 2022